

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Мария Мартиросова

КАЗАЧЬИ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

Художник Юрий Каштанов

БЕЛЫЙ ГОРОД
Москва

Золотой орел

Разные люди в старые времена жили на Руси. Добрые и злые, бедные и богатые, смирные и вольнолюбивые. Одни с нищим последней копейкой делились, другие — горбушки черствого хлеба жалели. Одни и пары лыковых лаптей не снашивали, другие — сафьяновыми сапогами землю топтали. Одни покорно спину под барский кнут подставляли, другие рвались прочь даже от сытой и спокойной жизни при благодушном помещике. В далекие-предалекие края, называемые Диким полем.

Где все православные люди друг другу — братья.

Где нет ни царей, ни помещиков, перед которыми нужно шапку ломать.

Где жизнь по соседству с басурманскими* землями полна риска и тревог, свободы и лишений.

Жадно слушал крестьянин Иван истории о Диком поле. Дотошно расспрашивал о нем вышедших в отставку солдат, бывалых людей, странников. В какой стороне это поле находится, долго ли до него пешком идти, много ли там православного люда? Расспрашивал-расспрашивал, а однажды взял и исчез. Оставил после себя лишь тлеющие угли сожженной избы да злого-презлого помещика.

Ловко парень погоню со своего следа сбил, на глаза царским слугам не попался. И зря только барин награду за поимку своего крепостного сулил: так и не нашли, не догнали беглеца. А Иван много дней подряд широким

шагом мерил дорогу, по солнцу путь держал. И совсем не жалел, что бросил свой скудный земельный надел да корову-кормилицу. Без всякой жалости замучил бы его помещик оброками и барщиной. От непосильной работы спина бы горбом погнулась, руки плетью повисли, грудь ямой запала. Как у покойных отца с матерью.

Легко за плечами болталась полупустая котомка, а Иван знай себе все затягивал ремень да шагал вперед. Через леса и болота, луга и поля, пока не оказался в бескрайней жаркой степи. То и дело путник лоб утирал да на небо поглядывал: не набежало ли облачко, не скрыло ли палящее солнце. А небо — чистейшая лазурь, лишь высоко-высоко поблескивала какая-то точка. Поблескивала и вниз, прямо на Ивана, катилась. На глазах

увеличивалась, пока не превратилась в огромного мощного орла. С гордым кривым клювом, широкой грудью и золотыми крыльями. У парня ноги к земле приросли: отродясь не встречал он такой птицы. А орел чуть ли не над Ивановой головой парит, будто знак какой подаст. И точно, вдали слышались такие родные звуки. Не топот конских копыт государевых слуг, не свист басурманских сабель, а с детства знакомое: «вжик-вжик, вжик-вжик». Так батюшка когда-то точильным камнем косу вострил.

Иван бегом на звук бросился, заросли раздвинул, к ручейку спустился и видит — человек сидит. Крепкий, широкоплечий, с православным крестиком на голой груди. Сидит и саблю о камень точит. Увидел Ивана, уважительно поклонился, Семеном назвал. А потом, не торопясь,

расспросил, из каких мест путник, какого роду-племени. Узнал и подивился, до чего доли у них схожие. Ведь Семен тоже от помещика сбежал, не пожелал крепостным рабом жить, да еще и своих будущих детей закабалить. Уж лучше каждый день с татарами в Диком поле биться, головой рисковать, зато свободным ходить. Побратались Иван с Семеном, поклялись нерушимой стеной друг за друга стоять, последней горбушкой хлеба делиться, вдвоем от врага отбиваться.

И начали названные братья в Диком поле жить. Днем и ночью басурманские набеги отражали, в бою себе коней добыли, острые сабли, легкие щиты. Да так скоро и ловко овладели ратной наукой, что даже недруги-татары нарекли их «казаками». Так же, как называли своих самых умелых и опытных воинов. А Ивану с Семеном

на месте не сиделось, манили их новые земли. Интересно им было поглядеть, как остальные православные в Диком поле живут. Поэтому и пустились в путь, аж до самой Волги добрались.

Остановились на песчаном берегу чистой воды напиться, и вдруг видят, упала на землю тень, хоть и не было на небе ни облачка. Подняли головы и подивились: прямо над ними парит огромный златоперый орел. Крылья во всю необъятную ширь раскинул, будто всю русскую степь обнял, да еще и басурманских земель немалый кусок прихватил.

Иван с Семеном так долго любовались диковинной птицей, что и не заметили причалившей к берегу лодки. Спихнулись лишь когда выпрыгнул из нее светловолосый парень да пылливо уставился на названных братьев. Те ему низко, по-русски, поклонились, свои имена назвали, куда идут и зачем рассказали. А за ущицей, которую молодой рыбак сварил, и вовсе душевный разговор получился. Трудно ли трем православным столковать-

ся? Так что вскоре и поселились в этих местах три названных брата, три казака. Иван, Семен да Михаил. Хат себе понастроили, крепкие высокие стены от врагов возвели. И ни одному православному в приюте и защите не отказывали. Всех к себе принимали, последним делились, каждого братом называли. Так от трех названных братьев и пошел казачий род. Народилось на свет сотни тысяч смелых и свободных людей, никогда не ломавших шапки ни перед царем, ни перед помещиками. Из века в век казаки зорко и крепко охраняли русскую степь, да еще в жарких боях и от басурманских земель немалый кусок прихватили.

Зорюшка

Каменная девушка

Железко было первым казакам обживать степные земли. Вроде бы и своя, русская территория, а все равно окраина. Да еще и раскинулась на тысячи верст. Попробуй тут за всем уследить, удержать земли в целости, ни пяди врагу не уступить. Всех московских стрельцов, наверное, не хватило бы стеречь российские южные степи. Вот басурмане и не боялись, разбойничали, грабили, в плен православных брали. До тех пор, пока казаки не решили сами на границе встать, не дожидаясь царской подмоги. И крепко-накрепко родные рубежи беречь, нежеланных гостей встречать саблями да стрелами.

Так с тех пор и повелось: казаки сотнями на поле брани оставались, но назад не отступали. Кровью истекали, боевые раны не успевали перевязывать, до последнего с врагом рубились. А если одолевали казаков страх или слабость, как молитву одни и те же слова шептали: «Как наши деды и отцы, как наши сыновья и внуки». И снова наливалась силой рука, будто сразу четверо брались за клинок.

С отчаянным бесстрашием сражался с басурманами казак Макар. Не опускал сабли, не щадя себя, не прячась за спинами товарищей. Ввязывался в самые жаркие схватки, не чувствуя,

что давным-давно пробиты кольчуга и шлем, в щепки посечен щит. Лишь после того как накатила черная дурнота, воин понял, что пришел его смертный час. Сделал несколько шагов, да замертво наземь упал. Так бы и лежал, если бы не верный конь. Не дал тот пропасть хозяину, растормошил, помог вскарабкаться в седло. И во весь дух помчался в родную станицу, оставляя за собой багряный след казачьей крови. С каждой минутой слабел Макар. Выпал повод из безжизненных рук, выскользнули ноги из стремян, и опять воин без памяти рухнул на землю. На полпути, прямо у подножья каменной бабы.

Даже самый древний старик в станице не ведал, откуда взялись каменные бабы в донской степи. И отец того старика не ведал, и прадед. Говорили, стояли эти изваяния аж с самого сотворения мира. И вовсе не человеческий ум их замыслил, не человеческая рука их вытесала. Строгих, гордых, широкоскулых, с тяжелым венцом кос на затылке.

Только казак пал к ногам каменной бабы, и ожило изваяние. Серый камень обернулся золотом волос, лазурью глаз, кораллом губ. Розовые пальцы дотронулись до казачьих ран, вмиг перестала сочиться кровь. Макар зашевелился, открыл глаза, и вновь зажмурился, ослепленный невиданной красотой. Вскочил на ноги, и вновь перед девушкой на колени упал. От всего сердца казак поблагодарил спасительницу, свое имя

назвал, девичье выпросил. И начал Зорюшку упрашивать стать его женой. А про то, что она вовсе и не настоящая женщина, а каменная, и слушать не пожелал. Ведь сердцу-то не прикажешь. Какая полюбилась, с такой и надо венчаться.

Долго шли суженные к казачьей станице. Слишком уж тяжелой оказалась невеста, не выдержал конь такой ноши. Поэтому-то и пришлось идти пешком. А Макар и не заметил, как пробежало время, всю дорогу любовался своей красавицей. И в станице не пожелал никого слушать. Твердо заявил отцу с матерью, что никакая другая девушка не мила ему так, как Зорюшка. Казаки из куреней повыскакивали и на незнакомку

установились. Ишь, какая высокая да мощная. По земле ступает, след глубокий остается, на крыльцо всходит, ступеньки трещат, на лавку садится, сидение под ней ломается. Мыслимое ли дело с такой жить? Посмотрели, поудивлялись, но промолчали. Никто не посмел Макарову невесту хулить. Только шелудивый станичный пес залился лаем и на Зорюшку бросился. А та даже отгонять его не стала, попробуй, прокуси камень. Цапнула глупая животиная девичью пятку и последних зубов лишилась.

Казак тем временем самых толстых дубовых бревен раздобыл, новое крыльцо смастерил, лавки, полы. Да так справно и прочно, что ни одна половица под женой не скрипнула. Так в дружбе и любви и зажили молодые. Зоренька по дому хозяйничала, в поле работала, за скотиной присматривала. Любая работа в ее руках горела, будто всю жизнь в хате прожила, а вовсе не каменным истуканом в степи простояла. Начинала в поле снопы вязать,

так ни одна баба за ней не успевала, караваи самые пышные и высокие из печи вынимала, самую тонкую пряжу пряла, больше всех собирала куриных и гусиных яиц. И корова-кормилица сразу Зорюшку за хозяйку приняла, к себе подпустила, молоком щедро поделилась. Будто вовсе не холодные каменные пальцы ее доили, а нежные девичьи руки.

Остальные казаки смотрели на Макарово житье да вздыхали. Им бы такую жену! Красивую, работающую, до сплетен не падкую. Станичные же бабы по-черному Зорюшке завидовали. И все к Макару приставали, зубоскалили. Мол, не слишком ли тяжела молодая жена, не слишком ли холодна? А то ведь можно ее к горячей печке прислонить, глядишь, и согреется каменная истуканша. Казак на этих сорок и внимания не обращал, мало ли о чем они трещали. Никто ведь не знал, что теплой и нежной Зорюшка бывала лишь для своего мужа. Пальчики у нее мягче лебяжьего пуха становились, губы —

жарче печного огня. А сама она — будто перышко невесомое, хоть целый день на руках носи.

Тем временем закончилась короткая передышка, снова басурмане в русские степи пожаловали. Еле-еле казаки успевали отбиваться от разбойничьих набегов, но земли крепко держали. Поэтому решили басурмане обманом православных взять. Темной ночью бесшумно подкрались к станице. Конские копыта тряпками обернули, звонкие сабли осторожно руками придерживали. Ни один станичный пес врага не почуял, не забрежал. Лишь Зорюшка встрепетнулась, вскочила с постели и бросилась на улицу. Оглушительно засвистела, боевую тревогу подняла. А пока казаки за оружие хватались да из куреней выскакивали, сама оборону держала. Мощной тележной осью одного за другим басурман крушила, необъятным каменным телом загородила въезд в станицу. Поломанными отскакивали от Зорюшки неприятельские стрелы, зубринами покрывались сабли. А казачка прочно на одном месте стоит, ни на шаг не отступает, ни пяди земли врагу не отдаст. Тут и муж с остальными воинами подоспел. Навалились все вместе на басурман, сабли засвистели, бритые головы по степ-

ной траве покатались. Отбили набег, не впустили врага в станицу.

После боя к Зорюшке один за другим казаки подходили. Низко-низко кланялись, благодарили за то, что от лютой смерти и позорного плена защитила. И бабы с детьми тут же голосили, славили Зорюшкину отвагу. Макар же все жену спокойно оглядывал, не повредили ли ее басурмане, не покалечили. Но неуязвимым оказалось тело казач-

ки, попробуй, одолей камень. С тех пор басурмане сильно остерегались вторгаться в русские степи. Из уст в уста передавали рассказы о каменной бабе. А потом выяснилось, что в каждом курене по такой бабе живет. С врагами — твердокаменная и неприступная. С любимым мужем — мягче лебяжьего пуха и жарче печного огня. Настоящие донские казачки, внучки и правнучки степной каменной бабы.

Казачьи пословицы и поговорки

Терпи казак — атаманом будешь.

Казачьему роду — нет переводу.

*Мы удалы казаки — никогда не тужим,
По границам разъезжаем —
Отечеству служим.*

Не корите казаки свою тяжку долю,
Ни за что не променяем свою вольну-волю.*

*Казачья песня — дюже интересна,
Ее можно напевать — никогда
не унывать.*

Удалой казак и один в поле воин.

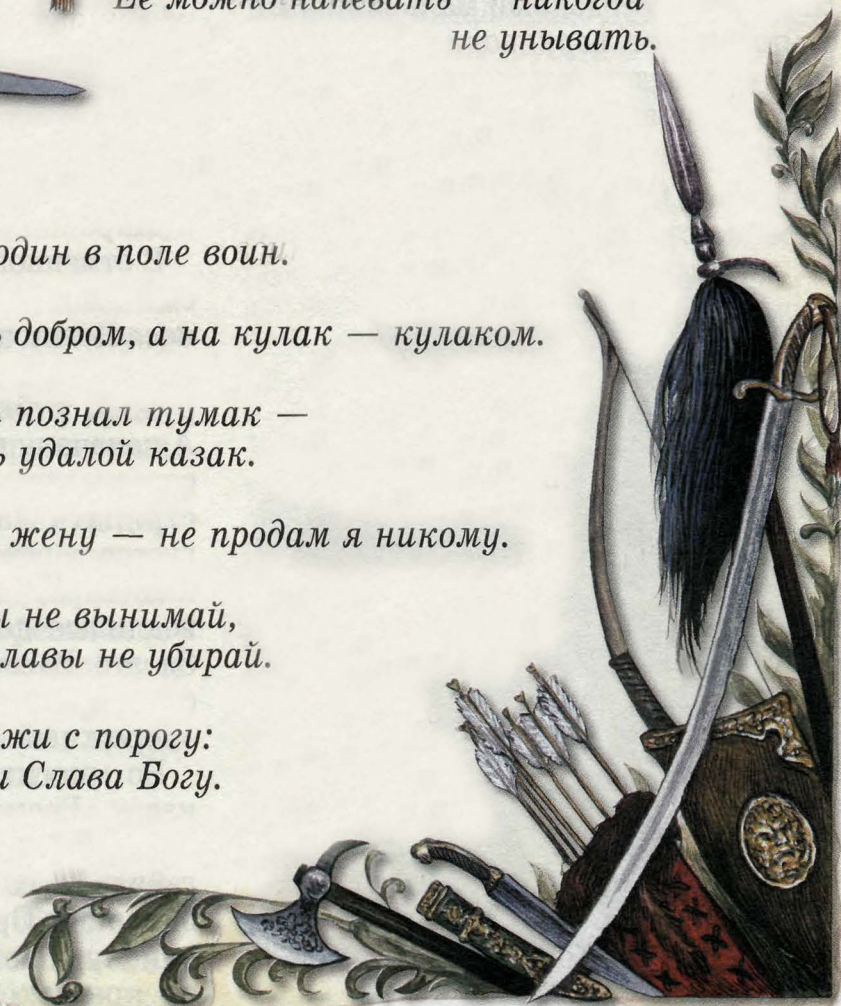
На добро ответь добром, а на кулак — кулаком.

*Коль с мальства познал тумак —
будешь удалой казак.*

Саблю, лошадь и жену — не продам я никому.

*Саблю без нужды не вынимай,
а без славы не убирай.*

*В дом зайдя, скажи с порогу:
Спаси Христос и Слава Богу.*

Ермак Тимофеевич

Никому не ведомо, в каких краях родился на свет Божий казак Василий Тимофеевич Аленин. То ли в донской станице, то ли на берегу уральской Камы, то ли в далекой Сибири. Но всякий казак поклянется, что именно из его мест Василий Аленин. А как же, кому не захочется назвать своим земляком самого Ермака!

Два сына было у Тимофея, да только младшенький Вася оказался куда разумнее и пригляднее старшего Родиона. Во всей округе не сыскалось бы такого сильного, бесстрашного и бойкого в речах парнишки. Над всеми соседскими мальчишками с малых лет верховодил Василий: брал в разведку, устраивал потешные бои, переправлялся через речку. Беспрекословно повиновались Васе Але-

нину, смело шли вслед за высоким и широкоплечим юным атаманом.

В отменного казака вырос младший сын Тимофея Аленина. Храбрым, выносливым, честным. Как влитой сидел на коне, без промаху стрелял из ружья, рубил саблей, колол пикой. А поначалу не побрезговал взяться за совсем даже не воинское занятие — стряпать на всю артель. Вкусное, густое варево получалось у молодого кашевара, удивительно ровные, справедливые доли доставались едокам. За это Василий Аленин и получил свое прозвище — «Ермак», то есть «дорожный артельный котел».

Во многих боях побывал молодой казак. Громил на Волге персидские суда, штурмовал Казань, ходил на ногайцев, вместе с царскими ратниками бился под Оршей и у Могилева в Ливонскую войну, защищал Москву от крымского хана Давлет-Гирея.

День ото дня увеличивалась и крепла казацкая дружина. Целых пятьсот отборных бойцов возглавляли атаманы Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан, Богдан Брязга, Матвей Мещеряк. Но самым главным начальником и атаманом был Василий Тимофеевич. Не ведали дружинники страха и уныния, идя в бой вслед за своим Ермаком.

Во все стороны разнеслась весть о воинских умениях и бесстрашии казаков. Долетела до уральских купцов Строгановых, достигла ушей царя Ивана Грозного. И тут же Ермак Тимофеевич получил из Москвы царский наказ: собираться на Западный Урал, в военный поход. Далекий и опасный, но для Отечества весьма необходимый.

Давно пора защитить родную землю от набегов сибирского хана Кучума, напомнить ему о силе русского меча, меткости русских пуль, запахе русского пороха. А то загордился хан, позабыл клятву верности, давным-давно не шлет в Москву дань — ободы пушнины.

Пусть Ермак Тимофеевич сразится с вражеской армией, окоротит Кучума, отстоит русские земли. Заодно защитит от ханских набегов и уральские владения купцов Строгановых. Купцы же за такую помощь ничего не пожалеют: соберут в казацкую дружину тысячу новых воинов, оденут, обучат, вооружат и провиантом нагрузят. А самого Ермака Тимофеевича государь по-своему, по-царски отличил: прислал ему в подарок серебряную кольчугу. Богатую, тяжелую, щедро украшенную золотыми орлами.

К осени Ермак собрал в свою дружину в тысячу казаков. Крепких, выносливых, бесстрашных. И уверенно повел их через уральский Каменный пояс против десяти тысяч ханских воинов. К рекам Чусовая, Серебрянка,

Жаровль. Самые мастеровые казаки соорудили плоскодонные суда-струги, самые выносливые взялись за весла, самые сильные на перевалах несли лады на своих плечах. Так и двигалось Ермаково войско по Тагилу до Туры.

Только вступили во владения Кучума, как черная туча стрел облепила струги, сидящих в них казаков. Ханские лучники радостно завопили: легко далась победа. Нерасторопные эти русские, ни один не успел за оружие схватиться! Вдруг сзади раздалась выстрелы, засвистели пули, удушливо потянуло порохом. И пошли на ханских воинов казаки во главе с высоким широкоплечим атаманом в серебряной кольчуге. С тяжелыми мечами, грозными, невиданными доселе пищалями. Даже конница не одолела бы русское войско: не удержаться коням на таком крутом берегу.

Ханские воины перепугались, сбились в кучу и попросили пощады. А когда увидели, что в стругах вместо

русских были привязаны соломенные чучела в казацких одеждах, и вовсе головы повесили. Разве победишь таких хитроумных врагов? Недаром их атамана называют «Ермаком». Настоящим воинским именем, которое по-татарски означает «прорыв».

Ни один казак не жаловался на тяготы боевого похода, на жестокие сибирские морозы. Ведь крепился же атаман Ермак Тимофеевич, ничем не отличая себя от остальных дружинников. Наоборот, усталого подбадривал, для раненого находил доброе слово, всякого казака называл «братом».

Каждой пройденной сибирской верстой казацье войско расширяло границы русского государства. Лишь в устье Тобола, у местечка Юрты Бабасан дружинники ненадолго остановились, чтобы сразиться с племянником Кучума Маметкулом.

Жестокий разгорелся бой. С десятком ханских воинов приходилось биться одному казаку. Долго и упорно, пока не иссякли силы, не угас боевой дух. И в тот же миг само собой поднялось казацье знамя с ликом Христа, развернулось, забило на ветру и полетело прямо на противника. А за знаменем с оглушительными криками кинулись и казаки. Живое смелое ханских воинов, добыли победу. Вскоре Кучум с Маметкулом, проклиная русского атамана, без оглядки сбежали в Ишимские степи из своей осажденной столицы — Кашлыка. И распалось ханство, отошло во владение царю Ивану Грозному. До необъятности увеличила Сибирь просторы русского государства.

Ермак Тимофеевич мудро, по справедливости управлял покоренными землями. Зорко следил, чтобы дружинники не грабили, не обижали

сибиряков. А если и приключалось такое, без малейшей жалости наказывал виновного. Всякий раз повторяя, что не только земному царю служат казаки, но и Царю Небесному.

Сибиряки охотно и исправно платили дань русскому атаману. Не раз с почетом и поклонами просили стать их царем, занять место сбежавшего хана. Да только всякий раз атаман отказывался: один хозяин в русском государстве. А Ермак доволен и титулом «князя Сибирского», милостиво пожалованным ему царем Иваном Васильевичем.

Казачье войско не засиделось в столице. Ермак Тимофеевич увел его на освоение новых сухопутных и речных путей. Бесстрашно шагали вперед русские дружинники, навечно оставляя свой след на сибирской земле.

Ермак Тимофеевич

Хан с племянником сбежали из Кашлыка не с пустыми руками. Увезли с собой полные возы пушнины, сундуки золота, серебра... С лихвой хватило этих богатств, чтобы собрать новое войско, подстеречь у устья реки Волая небольшой отряд Ермака. И истребить его весь до единого: и простых дружинников, и начальников. Не удалось добраться лишь до ненавистного Ермака. Раненый атаман из последних сил пробился к реке и бросился в воду. Только не суждено было ему доплыть до берега, тяжким грузом потянул на дно щедрый дар Ивана Грозного — серебряная кольчуга.

Никому не ведомо, в каких краях родился на свет Божий казак Василий Тимофеевич Аленин. То ли в донской станице, то ли на берегу уральской Камы, то ли в далекой Сибири... Но ярким блеском горит в Оружейной палате серебряная кольчуга с золотыми орлами, гордо возвышается в Новочеркасске памятник высокому широкоплечему атаману, не сглаживаются на Сибирской земле следы Ермака Тимофеевича.

Хан Кучум

Перека́ти-по́ле

Казак-разбойник

Домовитые*, зажиточные казаки отродясь не пахали землю. Так было заведено войсковым кругом еще с незапамятных времен. Не хотелось донским атаманам, чтобы враги-басурмане спалили урожай, над драгоценным хлебушком надругались. Поэтому и пригрозили плетью всякому, кто нарушит запрет да за плуг с сохой возьмется. А охота, рыбалка, домашняя скотина — это, пожалуйста. Долго казаки не тревожили землю, издалека к себе возили пшеничку и рожь. Лишь когда прогнали врагов из своих степей, то решили сами хлеб растить. Да только по стародавней

привычке никто из домовитых казаков не хотел за воловьей упряжкой с плугом идти. Вот и пригодились пришлые люди. Их тогда на Дону видимо-невидимо было, со всей России крепостной люд бежал в привольные южные степи. Приезжали с тощими узелками, в худых домотканых рубахах. Заплата на заплате, а из прорех голые локти да колени видать. Вот зажиточные казаки и прозвали приезжую голытьбу «голутвенными казаками». И все полевые работы взвалили на их тощие плечи, а сами радовались тучным, обильным хлебам, подсчитывали будущие урожаи.

Голутвенные казаки и такой работе были рады. Главное, что теперь они свободные люди, а не крепостные рабы. И дети свободными вырастут, и внуки свободными родятся. А к тяжелому труду голытьбе не привыкать, такова, видать, бедняцкая доля. Во многих хатах так рассуждали, да не все покорно смирялись со своей жалкой участью.

Митроха, младший сын голутвенного казака, сызмальства к плугу не подходил. Ни отцова наказания не боялся, ни материных уговоров не слушал. Без конца твердил, что черная работа — не для настоящего казака. То ли дело ратная наука. Походы, набег, война... Эдак за один год можно так обогатиться, как простому мужику и за всю жизнь не снилось.

Целыми днями Митроха не отходил от домовитых парней, ратную науку

перенимал. Вскоре угнал у ногайцев резвого скакуна в богатой серебряной упряжи, раздобыл себе справное оружие. И начал учиться ездить верхом, рубить саблей, палить из пистолетов. Да так это ловко у него получалось, будто не от псковских крестьян, а от первых донских казаков свой род вел. Гордо Митроха сидел на коне, пикой размахивал, а от родителей с братьями, что в поле горбатились, голову отворачивал.

Чуть только донской атаман объявил военный поход, а у Митрохи уже снаряжение готово. И конь, и сабля с пикой, и пистолы, и ногайка, и торба* с овсом к седлу приторочена. Сидел верхом и нетерпеливо уздечку в руках теребил. Стеснялся материных слез, отцовой заплатанной рубахи, то и дело восхищенно поглаживал свой яркий мундир. Даже

не обернулся на родителей с братьями посмотреть, умчался с казачьей сотней и без следа сгинул в облаке белой донской пыли. Будто клубок степной травы перекаати-поле, что не держится корнями за землю. Бежит себе, ветром гонимая, и не помнит, где взошла-выросла.

Во многих переделках побывали казаки, пообносились, отощали. А тут как раз Смута наступила, всякого порядка российское государство лишилось. В Москве один царь сидел, из Польши другой ехал, и непонятно, какой из них настоящий. Митрохе же с друзьями и вовсе не нужно было разбираться. То грабили на дорогах проезжающий люд, то поступили в войско к самому самозванцу Лжедмитрию. Отъелись, приоделись, оружием, конями новыми обзавелись. Да все у своих же, русских, отобрали: богатые дома обшарили, пленных

пограбили. Без всякого стыда друг перед другом хвастали «трофеями», предвкушали новую добычу. Только быстро закончилось Митрохино везение.

Собрали князь Пожарский и купец Минин огромное войско и выгнали из Москвы поляков. Еле-еле успели казаки к победителям переметнуться. Поступили на службу в русское войско, да заскучали. Ни трофеев, ни сладких лакомых кушаний, зато за провинности и разбой начальство три шкуры сдирало. Не о такой службе в донской станице мечталось. И решил Митроха с друзьями за разбой взяться. Мало ли богатых купеческих караванов ходит по русским дорогам? Торговцы — народ трусливый, не пожалеют за свою жизнь никаких денег. Приставишь нож к горлу, сразу тугую мошну отдадут.

Поначалу бойко разбойничала Митрохина шайка. Снова принарядились, золотые монеты в карманах зазвенели. А потом нашла коса на камень. Оказалось, что купцы не только трусливый, но и хитрый народ. Схоронили на своих возах царских воинов и как ни в чем ни бывало в дорогу пустились. Только грабители набросились на караван, как из-под рогож целая туча стрельцов выскочила. Да так резво за дело взялись, что чудом Митроха с несколькими друзьями ноги унес. И лесными зарослями, глухими чащобами отошли подальше. Дороги не разбирая, ног не жалея, лишь бы вместе с остальными разбойниками в острог не угодить. А Митроха и ночью себе роздыху не давал, как дикий зверь сквозь деревья и кусты продирался. До тех пор, пока лес не закончился. Ощупью казак добрел до песчаного берега, напился да и заснул мертвым сном.

Наутро разбойник от удивления рот разинул, такая оказалась вокруг красота. Прозрачное круглое озеро, белый прибрежный песочек, богатый терем на пригорке. Да не просто богатый, а словно царский дворец весь резьбой, позолотой и росписью изукрашен. Никак в нем самые-самые богатеи живут. Только как тут наверняка узнаешь, если терем высоким и крепким чашоколом обнесен, да еще и могучими стражниками охраняется.

Приуныл Митроха, а тут ворота распахнулись, и выплыла наружу девица. Казак аж зажмурился от ее красоты, в жизни такого чуда не видел. Нежная, белокожая, будто ни один солнечный луч не касался ее лица. Не то что смуглые станичные бабы. Голубые глаза у девицы сверкали, как заморская бирюза, губки, словно драгоценные кораллы, алели, тяжелая коса — точь-в-точь чистейшее золото. А наряд — самой царевне под стать, шелковый да бархатный.

Красавица отпустила стражу, подошла к бережку, скинула с себя платье и поплыла. Митроха же времени даром терять не стал, вмиг смекнул, что делать. Уселся на оставленном платье и начал девицу поджидать. Никуда ведь ей без одежды не деться. Не станет же она позориться, не пойдет в терем в одном исподнем. А Митроха взамен платья заставит ее замуж за себя выйти. Возьмет с нее нерушимую клятву, и некуда будет красавице деться. После свадьбы-то и наступит настоящая жизнь. С молодой женой, в богатом доме... Не то, что в тесной закопченной лачуге в донской станице.

Все у Митрохи по загаданному получилось. Поплакала девица, поумоляла за так платье вернуть, жизнь не губить, но все зря. Разбойник только улыбался да свое гнул. Добился-таки, взял под руку красавицу и повел

в терем. Только когда невестин батюшка молодых благословлял, казак имя своей суженой узнал. Узнал, и от гордости чуть не лопнул, ведь он, голутвенный казак, саму княжну Анну Троекурову в жены брал!

На радостях разбойник всех своих дружков на свадьбу созвал. Сладким вином потчевал, тонкими яствами угощал, невестой хвастал. И над остальными гостями посмеивался. Подумаешь, князя да бояре! А пьяным напился, так и вовсе безобразничать начал: последними словами оскорблять, задирать, руки распускать. И жениховы дружки ни в чем от него не отставали. Так и бесчинствовали, пока не одолела, не повязала их стража. Утром же разгневанный князь Троекуров ногами затопал, кулаками по столу застучал. Не пожелал жить вместе с таким буяном, приказал вме-

сте с дружками убираться из терема на все четыре стороны. Разбойник и не стал прощения просить, небось, не пропадет. А Аннушка кротко перед батюшкой колени преклонила, попросила в путь благословить. Негоже ведь жене с мужем жить по отдельности. Раз обвенчаны в церкви, значит, до самой смерти вместе. Твердо отклонила отцовы уговоры, не пожелала остаться. Сняла с себя шелковые наряды, золотые уборы, переделалась в льняное платишко, голову ситцевым платком покрыла и пустилась в путь вслед за мужем.

Снова Митрохина шайка за старое взялась. Только теперь уже остерегались в одном месте грабить. Почистят богатеев да торговцев в одном городе, в другой перебираются. Чтобы следы свои запутать, в засаду не угодить. Аннушка же вместе с ними кочевала.

Стряпала, одежду разбойничью стира-ла и чинила, из пистолей училась палить. И ни одну церковь, что по дороге попадалась, не пропускала. В каждую заходила, службы отстаивала, свечи святым ставила и все молилась о спасении мужниной души. О наставлении его на путь истинный. Только Митроха и не думал остепеняться, по душе ему была разгульная разбойничья жизнь. Сегодня — здесь, завтра — там. И ни-что тебя на одном месте не держит, ка-тишься себе свободно, словно перека-ти-трава. Даже тогда не образумился, когда узнал, что у них с Аннушкой в скором времени дитя родится. Без сожалений отпустил жену в отцово имение. Ни слез ее не заметил, ни тихих уговоров не услышал. А через несколько дней уж и не вспоминал, что когда-то венчан был. Не вспоминает «перека-ти-поле» о вчерашнем дне.

Аннушка благополучно до батюшки доехала, в княжеском имении сына Дмитрия родила. Умного, пригожего, вылитого Троекурова. Дедушка как на внука глянул, так и простил дочкино непослушание. С рук младенца не спускал, игрушками всякими баловал, знатную фамилию свою дал. Мать же сыну про отца все рассказывала. Не правду, конечно, а сказки всякие. Мол, был Митроха бесстрашным казачьим атаманом, отечеству служил, с врагами бился, ордена и медали получал. И в бою героически сложил свою голову.

Дмитрий Аннушку почтительно слушал, отцом восхищался, сызмальства пожелал воинской науке обучаться. У дедушки выпросил лошадку с настоящим казачьим седлом, сабельку, пику, нагайку. Мать умолил показать, как с оружием да с лошадью управляться. Быстро

мальчик науку перенял, видать, весь в отца способностью к военному делу уродился.

Незаметно двадцать лет пробежало, кончились детские забавы. Не игрушечной сабелькой и тупой пикой владел молодой князь Дмитрий Троекуров. Не поскупился дедушка на дорогую турецкую саблю, английские пистолы, арабского скакуна. Ведь как-никак внука в цареве войско призвали, на службу государю Михаилу Федоровичу. Да из почтения к древнему роду сразу высокий чин определили — сотник царской конницы. Определили, и не пожалели, верой и правдой молодой князь отечеству служил. На хорошем счету у начальства числился, шутя выполнял самые опасные задания. Поэтому-то ему и доверили разыскать разбойничью шайку, что многие годы грабила купеческие

караваны. Разыскать и истребить, чтобы навести в государстве порядок, положить конец смутным временам.

Дмитрий за шайкой по всем правилам начал поиски. В разные места разослал своих людей, выследил разбойников и неожиданно к ним нагрянул. А те не ждали, не гадали. Расположились на лесной полянке, вино пьют, жареной дичиной закусывают. Стража не выставлена, оружие в кучу навалено, лошади по всему лесу свободно разбрелись. Слово в своем доме после трудов праведных собрались отдохнуть. Не успели разбойники глазом моргнуть, а солдаты над ними уже верх взяли. Кого из пистолетов постреляли, кого саблями порубали, кого пленили. Никто не ушел, даже самого атамана Митроху удалось схватить и крепкими веревками опутать.

Дерзко смотрел старый бородатый разбойник. Не склонял голову, не опускал глаз ни перед царевыми солдатами, ни перед молодым офицером. А потом заговорил, да без всякого страха, нечего перед смертью смерти бояться. Упрекнул князя в том, что тот одолел противника не силой, а хитростью. Не по мужски, в открытую, напал, а по бабьи, — исподтишка. До того разбойник договорился, что молодой офицер не выдержал, разгневался. И предложил атаману честный поединок. Одержит тот победу — будет отпущен восвояси, проиграет — в цепях поедет в столицу на казнь. Велел солдатам развязать пленника и вернуть саблю. А перед поединком дал честное слово выполнить обещание да славным именем своим поклялся, именем князя Дмитрия Троекурова.

Атаман, как только услышал имя офицера, так и с лица спал. Не почувял, как освободили от пут, как в дрожащую руку вложили саблю. Уставился на князя и глаз не сводил. В молодом лице черты своей забытой жены, отца, матери находит. В широких плечах и сильных руках свои руки и плечи узнает. Еле-еле старый разбойник саблей махал, еле-еле сдерживал сыновний натиск. А у самого все сердце холодело, неужели единственный сын станет отцеубийцей? Защемила, заныла злодейская душа. Собрал Митроха последние силы, отскочил в сторону, приставил саблю к своей груди и насквозь ее пронзил. А напоследок успел все-таки еще раз взглянуть на сына, чуть слышно попросить о прощении.

Грустным, задумчивым возвратился домой Дмитрий Троекуров. Без конца думал о старом атамане.

Хоть и приказал по-христиански схоронить всех убитых разбойников и православные кресты на их могилах поставить. А все последние Митрохины слова из памяти не шли. С чего бы злодею князя «сыном» называть, о прощении молить? Только переступил родной порог, сразу матушке непонятный случай пересказал, объяснения попросил. И еще больше удивился, увидев молчаливые Аннушкины слезы. Так и не узнал молодой князь, кем был старый атаман Митроха.

А княжна Троекурова с тех пор еще чаще в церковь стала ходить. Службы отстаивала, свечи святым зажигала, об усопшем муже молилась. Ведь негоже православному человеку непомянутым, забытым на тот свет уйти. Без следа, подобно сухому клубку степной травы перекаати-поле, укатиться.

Азовские герои

Беспокойна и тревожна была жизнь донских казаков. Военные походы, бои, опасности, лишения... Мало кто из казаков доживал до глубокой старости, а уж умереть в мягкой и теплой постели — такого и вовсе не было. Но ни один из них не боялся смерти. Ведь нет ничего достойней, чем гибель на поле брани. И ничего позорней вражеского плена. Боевое оружие в дерзких чужих руках, насмешки, оскорбления, продажа на невольничьем рынке... Войсковому кругу не жалко было никаких денег за выкуп пленных. Да не купишь всех православных из басурманского рабства. Говорили, будто в турецкой крепости Азове томились великие тысячи христиан. И любого из них могли продать на рынке, словно ло-

шадь или буйвола. Недолго терпели донские казаки. Позвали однажды на помощь запорожцев, облачились в доспехи, сели на коней и выступили в боевой поход. Шеститысячным войском, во главе с атаманом Михаилом Татариновым. На турецкую крепость Азов, окруженную рвами, валами и высокими стенами. Против огня двухсот пушек и пятидесяти тысяч гарнизона отлично вооруженных янычар.

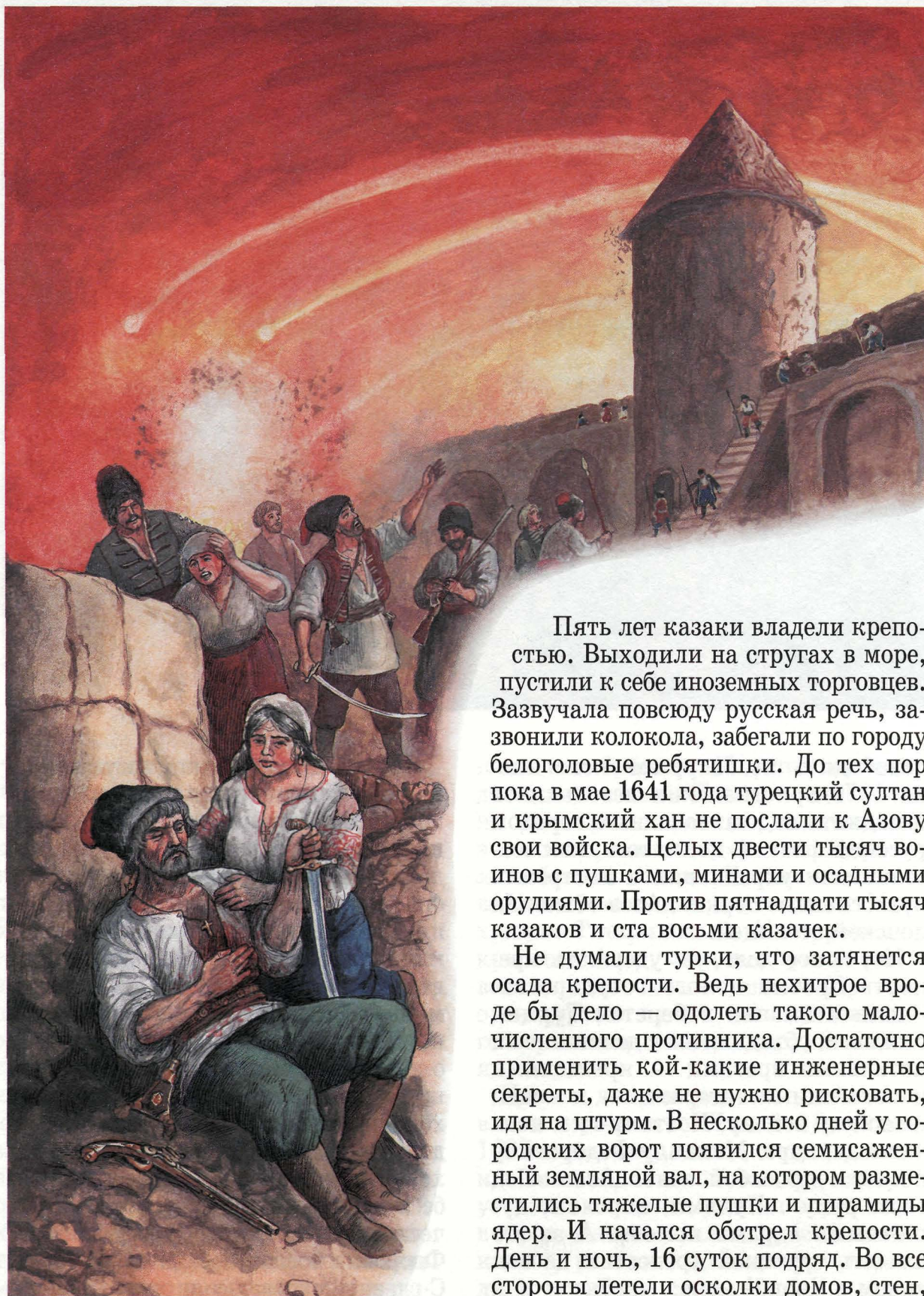
Целых два месяца не удавалось взять крепость. Лишь 18 июня 1637 года, после того, как под стены были подложены мощные, хитро устроенные мины, казаки ворвались в город. Направо-налево рубили пашками*, резали кинжалами, убивали и погибали сами. Чтобы к утру

освободить из басурманского плена 1670 христианских невольников и поднять над захваченным городом русский флаг. А после того, как восстановили укрепления и построили православные церкви, Азов объявили донской столицей.

Но, ясное дело, не удержать крепость против целого государства. Знали атаманы: соберется Турция с силами, объединится с давнишними казачьими врагами — крымскими и ногайскими татарами — и конец донскому войску. Поэтому-то и помчались к царю Михаилу Федоровичу послы с просьбой взять Азов «под свою руку». Пулями, порохом, пушечными ядрами помочь. А за это владеть турецкой крепостью да выходом в Черное море.

Недолго думал русский государь. Замахал руками, затопал ногами. Страшно рассердился, что дерзкие казаки посмели пойти на Азов без царского дозволения. Ни к чему Руси черноморские пути, если начнется война с Турцией да с татарами. Михаил Федорович кликнул писца и поспешно продиктовал ему две грамоты. Первую с клятвами и уверениями — турецкому султану. Мол, знать не знал, ведать не ведал о казачьем самовольстве. И вовсе они не русские ратники, а воры и беглые холопы, за которых московский государь и не думал стоять. Потому что хочет быть в крепкой братской дружбе и любви лишь с султанским величеством. А вторую грамоту Михаил Федорович послал победителям Азова. С гневной отповедью и отказом.

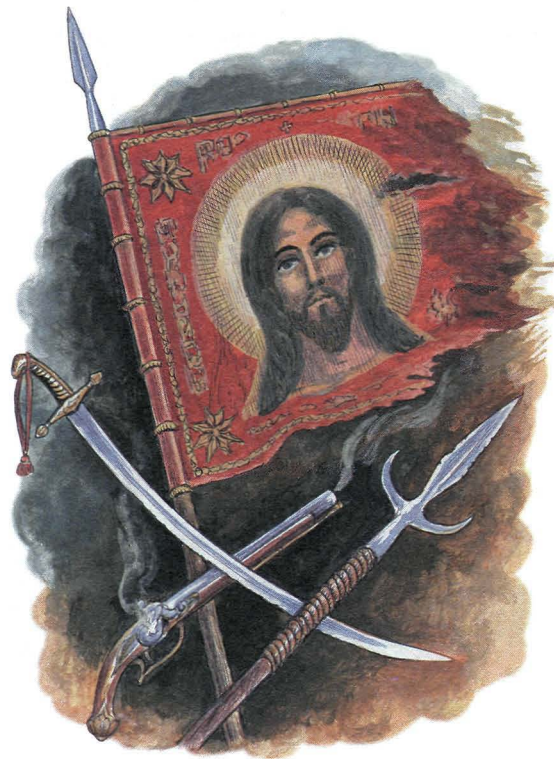
Пять лет казаки владели крепостью. Выходили на стругах в море, пустили к себе иноземных торговцев. Зазвучала повсюду русская речь, зазвонили колокола, забегали по городу белоголовые ребятишки. До тех пор пока в мае 1641 года турецкий султан и крымский хан не послали к Азову свои войска. Целых двести тысяч воинов с пушками, минами и осадными орудиями. Против пятнадцати тысяч казаков и ста восьми казачек.

Не думали турки, что затянется осада крепости. Ведь нехитрое вроде бы дело — одолеть такого малочисленного противника. Достаточно применить кой-какие инженерные секреты, даже не нужно рисковать, идя на штурм. В несколько дней у городских ворот появился семисаженный земляной вал, на котором разместились тяжелые пушки и пирамиды ядер. И начался обстрел крепости. День и ночь, 16 суток подряд. Во все стороны летели осколки домов, стен,

башен, церквей, жалобно стонали колокола. Но и в лагере противника однажды раздались страшные взрывы. Это русские, подрыв вал, заложили под него множество мин. Тысячу нехристей разом истребили казаки.

Несколько месяцев продолжалась осада. Не сосчитать, сколько воинов погибло, а все держалась крепость. Хоть султан и пообещал выплатить каждому сдавшемуся русскому тысячу талеров. Но казаки упрямо стояли за Азов, поддерживаемые своими небесными покровителями — Богородицей и Иоанном Предтечей. Часто воинам являлась во сне прекрасная дева в багряной ризе и древний бородатый босой старец. Благоговейно сберегался мироточащий образ Иоанна Предтечи, защитника и заступника «атаманов и казаков от иноплеменных от поганных».

Четыре месяца продолжалась осада. Давным-давно в крепости закончился хлеб, истощились боеприпасы, не было больше сил сражаться. Но русские

один за другим подходили к иконе Иоанна Предтечи, прикладывались к образу, клялись, что не сдадут Азов, пока жив хоть один казак или казачка. Крестились, надевали чистые рубахи, братски целовали друг друга. А утром 26 сентября, когда защитники поднялись на крепостные стены, то увидели, что турецкая армия ушла, оставив после себя изрытую взрывами землю и горы непогребенных тел. Где-то вдалеке медленно плелись измученные янычары, тощие кони еле-еле тащили повозки с потускневшими пушками.

Вскоре казаки оставили Азов. До основания разрушив все дома, укрепления, крепостные стены: не устоять нескольким сотням казаков против тысяч турецких и татарских воинов. Поэтому и уходили, возвращались домой. Не для того, чтобы умереть в мягкой и теплой постели, а для будущих военных походов, боев, опасностей, лишений. Ведь тревожна и беспокойна жизнь донских казаков.

Степан Разин и перендская княжна

Трудно было прижиться на Дону пришлым людям. Особенно тем, у кого за душой только и есть, что краюха черного хлеба, жена и детей мал-мала меньше. Да и откуда взяться богатствам у беглых крепостных? Слава Богу, ноги от жестокого и жадного помещика унесли! А Донбатушка всех принял, мучителям обратно не выдал. Вот и бежали на юг русские крепостные от оброков, барщин и непосильных налогов. Только вскоре понимали, что не такая уж и льготная жизнь на Дону. Точно также от зари до зари приходилось пасти скот, гнуть спину на покосах, потеть в гончарных мастерских, кузницах. Работать не на помещика, а на домовитых, зажиточных казаков. А как же, не станут ведь те за-

дарма кормить пришлый люд. Так и бежали на юг, пока станицы в низовьях Дона не переполнились голытьбой. Бездомной, голодной, дерзкой. Тогда понизовские домовитые казаки перепугались и прогнали ненасытных голутвенных бродяг из своих деревень. Вон сколько необжитых земель в верховых станицах! Пусть оборванцы выроют там землянки — «бурдюги», наймутся к тамошним богатеям да и заживут себе кротко и смиренно.

Но трудно было прокормиться на новой земле. В стылых землянках то и дело болели малые дети, страшно отощали жены, один за другим угасали старики. С такой жизни на любую отчаянность пойдешь! И на грабеж, и на убийство, и на поджог.

Загорели-запылали разграбленные помещичьи усадьбы в соседних — воронежской, тамбовской, тульской, саратовской — губерниях. Любое добро было пригодно нищей голытьбе: хлеб, одежда, скот. А амбары и дома, что не увезти, не угнать с собой, «пускали в дым».

Царь Алексей Михайлович каждый день принимал гонцов с юга, выслушивал их слезные жалобы, клятвенно обещал окоротить грабителей и убийц. И наконец послал на Дон указ: не возить в станицы хлеб до тех пор, пока казаки не выдадут самых отчаянных людишек. Только-только голод прижал животы богатеев, как казачье начальство — Войсковая изба — пообещало, что выдаст царю подлых воров всех до единого. Пришлось опять бедноте подниматься и бежать, прихватив с собой скудные пожитки. Да не в те земли, о которых складывали сказочки и не для кроткой и смиренной жизни. А на Волгу, в поход за богатой добычей. В «голом войске», что составил из бурдюжников бесстрашный и умный атаман Степан Тимофеевич Разин. Больно по

Степан Разин

сердцу пришлись слова атамана: «Не шлет царь хлеба, так добудем хлеба своею рукою!» В 1667 году голытьба без споров приняла над собой начальство разинских сотников и есаулов, отказалось от прежней вольницы да и отбыла с Дона.

С тех пор не чувствовал себя спокойно ни один волжский караван купеческих и казенных судов. Что ни день их грабило «голое войско», подчистую отбирая хлеб, ружья, сабли, свинец. Разинцы без всякой жалости истребляли стрелецких начальников, купцов и приказчиков, зато освобождали каторжных подневольных гребцов. Вот те-то гребцы и разносили по всей Руси весть о казачьем атамане — Степане Разине, защитнике нищих и беззащитных. О заступнике, что с легкостью захватывает города, рубит головы дворянам и выпускает на волю крепостной люд.

Вскоре атаману стало тесно на Волге. И поплыли казачьи суда в открытое море, к персидским берегам. По пути ворвались в Дербент, освободили на невольничьем рынке множе-

Персидская княжна

ство русских пленников — донских и запорожских казаков. Сбили с них цепи и колодки, сожгли лавки персидских купцов и поплыли дальше. Один за другим сдавались заморские города — Решт, Фарабат, Астрабад, тяжело шли по воде разинские корабли, доверху нагруженные богатой добычей. Даже 70 персидских кораблей у Свиного острова не смогли одолеть казаков. Наоборот, и сами пошли на дно, и княжеских детей в плен упустили.

После сражения Степан Разин хозяйским глазом окинул добычу, по справедливости разделил драгоценности, ткани, распорядился перетаскать на корабли персидские пушки. И в неподвижности застыл перед тонкой фигуркой княжны. Властной рукой отодвинул в сторону ее юного братца, сорвал с девичьего лица прозрачное покрывало.

Надолго умолк зычный голос атамана, потух гневный, суровый огонь в его глазах. Как плеск речной волны стал мягок его голос, как майское солнышко согревал его взгляд. Целыми днями Степан просиживал в шатре заморской княжны. Любовался ее черными шелковыми косами, целовал алые сахарные уста, слушал тихую персидскую музыку. Ничего вокруг не видел: бес-

препятственно проплывали мимо богатые купеческие суда, на исходе был хлеб. А ему и горя мало. Ведь доверху полны золотом корабельные трюмы, и в изобилии имеются сладкие финики для прекрасной княжны. Даже дерзкого персидского княжича атаман не стал казнить. Распорядился высадить на берег, да еще и золотыми монетами на дорогу снабдил. Рулевым же велел назад поворачивать. Хватит, погуляли в заморских краях, пограбили. Пора и домой возвращаться, в теплом доме да в женской ласке пожить.

Обида взяла бойцов «голового войска». Не ради золота и драгоценных камней затеяли этот поход. Зачем голытьбе такие богатства? Поплыли же они в такую даль за справедливостью, для защиты бедных и угнетенных. Таких, какими и сами были когда-то. А за правое дело и погибнуть не жалко. Как погибли в боях друзья-товарищи.

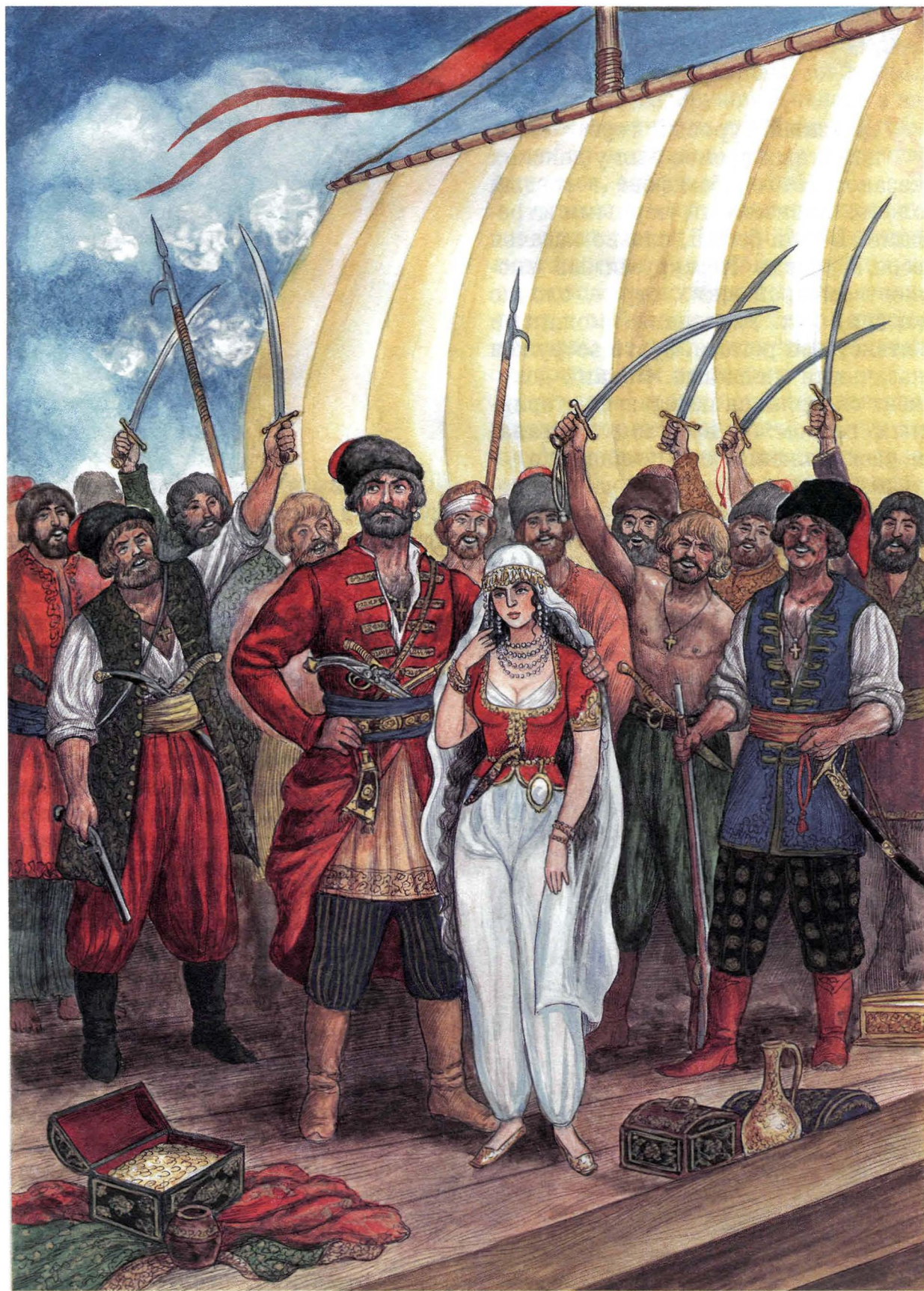
Такие слова и сказали казаки своему атаману. А Чертов Ус, тайный советник Разина, еще и за борт гневно плюнув, добавил:

— Неужто, братец, ты нас на бабу променял?!

Прежний гневный, суровый огонь загорелся в глазах атамана. Далеко разнесся мощный зычный голос:

— Волга-матушка! Щедрой рукой наделила ты меня великой славой и золотом. Я же не привез тебе из-за моря и малого подарочка, ни перстенька, ни косыночки! Так прими же самое дорогое, что добыл я на чужбине! — и бросил за борт свою возлюбленную.

Негромко всплеснула речная вода, без единого крика пошла на дно прекрасная персиянка. А гребцы усердно налегли на весла. Недалеко уже до Астрахани. Говорят, ждет не дождется своих освободителей бедный и угнетенный люд.

КАЗАК НА БОЧКЕ

Серьезный суровый герб с незапамятных времен был у донских казаков. На голубом фоне — гордый олень, пронзенный черными стрелами. Белый-белый, словно казачья вера и правда. Несокрушимый множеством вражеских стрел, словно казачий дух. Увенчанный мощными ветвистыми рогами, будто вооружен казачьими пашками. Всякий документ скреплялся печатью со старинным гербом. И приказы атамана, и распоряжения его помощника — дьяка. Торжественно вручали новому, только что избранному войсковому атаману перстень с изображением «Елень пронзен стрелою». Так бы и дальше было, но пожаловал на Дон царь Петр Алексеевич Романов. Да по обыкновению переделал все на свой лад.

Атаманы и сотники встретили государя хлебом-солью. Поклонились в пояс, пригласили за стол, угостили сытными казачьими кушаньями. Потом повели показывать житье-бытье вольного донского казачества. Петр Алексеевич шагал широко, быстро, все примечал зорким глазом. Даже

к малым детишкам, что под ногами вертелись, присматривался. Около одного остановился, одобрительно кивнул головой: справный казак из парнишки вырастет. Ведь тот вместо обычного ребячьего баловства, сидя на коновязи, рубил пашкой лозу. Атаманы с сотниками удивленно между собой переглянулись. Обычное дело! Казачат же с самого младенчества учили воинским наукам, вот они и играли в «полезные» игры.

А вокруг такое веселье стояло! Визгливо наяривали скрипки, хрипели гармошки, звонко цокали медные подковки казачьих сапог. Как же приезд царя-батюшки не отметить, песни не попеть,

не поплясать! Вот и гулял донской люд. Да так, что без конца булькало вино, звенели серебряные и железные чарочки. Царь Петр опять одобрительно закивал: крепкие у казаков головы, не валит их на землю хмель.

Вдруг государь заметил весьма странную картину. Нагой казак, сидящий на пустой пороховой бочке! Нагой, да не совсем... В папахе, лихо сдвинутой на бок, туго подпоясанный ремнем, при шашке, пистолях и самопалах. Деревянным ковшом размахивает, развеселые песни орет, государя славит.

Петр гневно сдвинул брови и на атамановглянул. А те со страху лишились дара речи. Заговорили, лишь когда царь ногой топнул. Что, мол, никакого оскорбления его царского величества голый казак и в голове не держал. Даже наоборот.

Отмечая государев приезд, пропил все имеющиеся у него гроши и копейки, а потом и одежду: сапоги, шаровары, камзол. Только оружие и папаху в неприкосновенности сохранил. Чтобы в любой момент в бой за отечество кинуться, врагов истребить.

Сотники тем временем казака с бочки спихнули, к Петру Алексеевичу подтолкнули. А пропойца, нисколько не смущаясь своей наготы, усы важно обтер и низко поклонился. Но папаху с головы не снял, ведь казак шапку и перед царем не ломает.

Государь громко рассмеялся, хлопал гордеца по плечу. И тут же царский указ издал: изменить казачий герб. Вместо серьезного и сурового — потешный, но поучительный. Чтобы все знали, какие они, донские казаки. Крепкие и веселые во хмелю, гордые перед царем и в любой момент готовые на защиту отечества броситься.

Булавинщина

Большее всего на свете казаки ценили свою свободу. Отродясь не стояли над ними никакие приказчики да помещики. Жили вольно, сами себе выбирали войсковых атаманов и старшин, ни перед кем спины не гнули, ни от кого зуботычин не получали. Не то, что крепостные. Те, измученные подневольным житьем, толпами бежали от своих хозяев. Да все на юг, на Дон, туда, где, говорят, от всех бед избавление. Откуда никогда не выдадут обратно помещику. Селились на Хопре, Большой Медведице, Северном Донце, обносили городки рвами и валами. А через семь лет

любой беглый крепостной законно мог называть себя казаком.

Только для царя Петра Алексеевича не указ был старинный уклад. Всю Россию в куцее заморское платье передел, боярам бороды сбрил, и дерзких беглецов вернет! Поэтому вскоре и отправился на Дон князь Юрий Долгорукий. С тем, чтобы, не щадя ни женского пола, ни детей, сыскать и вернуть помещикам крепостных, а царю — пригнать новых солдат для войны со шведами.

Возмутился тихий Дон. Ведь по приказу князя на север выслали целых три тысячи беглецов. Под конвоем, в кандалах, словно убийц

да воров. А сколько народу плетями заporоли, сколько станиц огнем выжгли! Казаки не стерпели издевательства над своими вольностями, забунтовали. В считанные дни собрался отряд во главе с казаком Трехизбянской станицы Кондратием Булавиным и в ночь на 9 октября 1707 года напали на царских слуг. Снова засвистели пули, запылал огонь, только на этот раз они несли смерть «тем, кто неправду делает».

Страшен был в гневе царь Петр. Срочно послал для расправы с бунтовщиками двадцать тысяч отборных солдат, пушки, боеприпасы. А во главе войска поставил князя Василия Долгорукого — брата убитого казаками Юрия Долгорукого. Ненавистью и жаждой мести было полно сердце князя, не смягчили бы его потоки казачьей крови, не разжалобили слезы вдов и сирот.

А тем временем на Дону собиралось казачье войско. С Придонья, Поволжья, Слободской Украины, Запорожской Сечи шли казаки, чтобы составить «охотное войско» Кондратия Булавина и постоять за свои права и свою свободу. Но разве выдержат пятитысячное войско против двадцатитысячного, сабли против пушек? Перепугались зажиточные домовитые казаки, всполошились: что им какие-то беглые крепостные... И решили предать своего атамана Василию Долгорукому. Ведь иначе, не ровен час, и самих бунтовщиками объявят. А чтобы доказать свое усердие, сговорились собственноручно схватить Кондратия Булавина, опутать цепями, заковать в железо, посадить под караул.

Кондратий Булавин из своей хаты отстреливался от предателей. Бес-

страшно, отчаянно. Всего одиннадцать верных казаков помогали ему против целой толпы предателей. А когда потянуло горьким дымом горящего камыша, понял атаман, что пришел ему конец. Только тогда и поднес к виску заряженный пистолет.

Многих бунтовщиков казнил Василий Долгорукий. Но еще больше были милостиво прощены и отправлены на войну со шведами. И говорят, что лишь благодаря полкам, составленным из свободолюбивых, вольных казаков, и удалось разгромить под Полтавой Карла XII.

Василий Долгорукий

Турецкие сабли

Казаки сильно дорожили своим оружием. Особенно саблями — турецкими, персидскими, татарскими. Не один казак рисковал жизнью, ввязываясь в самые жестокие бои, чтобы добыть себе саблю из настоящей дамаской* стали. Прочную, гибкую, с замысловатым рисунком на кривом клинке. На таком оружии никогда не появлялись вмятины, царапины, зазубрины. А само оно без труда что угодно пополам перерубало. Хоть другую саблю и железные гвозди, хоть невесомый шелковый платочек. И необычайная эта острота с годами не

притуплялась: дамасский клинок точили один раз и навсегда.

Всякий раз после битвы казаки хвастали друг перед другом своими трофеями. Богато украшенной рукояткой, сафьяновыми да бархатными ножнами сабель. Чудесной гибкостью клинков, что без труда гнулись в дугу и, как пояс, обвивались вокруг талии. Даже в мирное время казаки не забывали о своем оружии. Каждый день протирали его сухой чистой холстиной, льняным маслом изводили мельчайшие пятнышки ржавчины.

Лишь один недостаток был у заморских сабель — они плохо берегли

пальцы и кисти рук. Попробуй не покалечься, если из защиты на рукояти только и имеется, что маленькое перекрестье. Но благодаря смекалке Савоськи Криницы вскоре удалось исправить это дело.

Наверное, не вспыхни на Дону «Кондрашкин бунт», так до сих пор казаки и обходились бы старыми привычными саблями. Но в XVIII веке атаман Кондратий Булавин поднял нищий донской люд, составил в отряды, вооружил и повел

против царских войск. Бунтовщики быстро и легко продвигались вперед, с такой отчаянной дерзостью шли в бой, что никакой противник не мог устоять. Так и воевали, пока государь Петр Алексеевич не послал на Дон царских драгун. Самых умелых и бывалых, вооруженных шпагами да длинными узкими мечами — палашами.

Налетели драгуны на бунтовщиков на сытых мощных конях. И начали метко палить из пистолей, искусно управляться шпагами и палашами. Конечно, палаш да шпага — несерьезное оружие против казачьей сабли, ведь любой воин знает, что лучше рубить, чем колоть. Зато у драгунского оружия были такие длинные клинки, что не подобраться, не приблизиться, не ударить саблей. Царские же ратники и не подпускали к себе: издалека казаков разили. Да не наугад, а по незащищенным пальцам и кистям рук. Вжик-вжик, и булави́нцы один за другим валились из седел прямо под копыта сытых драгунских коней.

Такое отчаяние вдруг взяло молодого бунтовщика Савоську Криницу. Ни за грош гибли и калечились его дружки. Савоська отчаянно прищипорил коня, ринулся на драгуна, исхитрился и выбить из его рук палаш. И такая закипела

битва! Тут и остальные булави́нцы собрались с духом, бросились на врага. Засвистели, запели казачьи сабли, не выдержали драгуны, отступили.

После боя, пока раненые казаки перевязывали свои увечья, Криница все вертел в руках палаш. И так и этак рассматривал трофей. Потом улыбнулся, приторочил оружие к седлу своего коня. А в первой же кузнице снял с рукоятки палаша защитную чашечку-гарду и прикрепил ее к своей сабле. И так надежно она оберегала Савоськины руки, что вскоре и остальные булави́нцы укрепили на своих саблях стальные гарды. С тех пор казаки еще больше своими саблями стали дорожить. Прочными, гибкими, необычайно острыми, с надежной защитной чашечкой-гардой на рукояти.

Сладкая красавица

Казаки были совсем непохожими на остальных русских солдат. Не из-за ярких нарядных мундиров и не из-за славы непревзойденных всадников да рубак. А из-за весьма приглядной внешности. Широкие плечи, прямой стан, смоляные кудри, ясные очи... Ни в чем Бог не обделил казаков. Да и как тут обделишь, если те женились лишь на самых замечательных красавицах? На смуглых тонких турчанках и татарках, сдобных белокожих польках и шведках, статных румяных украинках и русских. Без устали добивались невест — клятвами, уговорами и подарками, похищали темными ночами, привозили с войны трофеями. Редко когда отступались от приглянувшейся девицы. И то

если какой-нибудь крупный изъяс обнаружился. Как, например, у сладкой красавицы Галы.

Бравым казаком был Кирьян. В бою не робел, начальство уважал, с товарищами дружбу водил. Поэтому в войну с немецким королем Фридрихом и дослужился до чина урядника. Да еще и медаль за храбрость и боевое ранение получил. Ранение-то пустячное, подумаешь, слегка плечо задело. В молодости раны вмиг заживают. Однополчане так и шутили, что не стоит горевать, до свадьбы заживет. Шутили, шутили и дошутились. Всерьез призадумался урядник жениться. А что, пора. Да не на какой-нибудь дурнушке, а на раскрасавице. Такой, чтобы и матери в хате помогла,

и справных детей нарожала, и в Кирьяновой станице всех своей красой ослепила. Пусть глядят и завидуют, какая у урядника жена!

Вскоре и случай подходящий подвернулся. Казачий полк остановился на постой в маленьком украинском городке, стали солдат по хатам размещать. Начальство, само собой, лучше всех устроилось, но и остальных не обидели. Кирьяна поместили на постоялом дворе в маленькой белой хате. Полы чистые-чистые, столы светлые, скобленные, кругом рушники расшитые, занавески белоснежные. Умилился казак, давным-давно уж такого уюта не видел. Столько месяцев в походной палатке, а то и просто на голой земле спал. Любопытно ему стало на рачительную хозяйку посмотреть. Выглянул в окошко и ахнул: стоит в саду под яблоней необыкновенная красавица. Фигуристая, черноглазая, с косой ниже пояса. Кирьяну улыбается,

да наливное яблочко в белых ручках катает. Тут же вспыхнула любовь в казачьем сердце. С тех пор каждый день урядник до зеркального блеска надраивал свое обмундирование, усердно приглаживал буйные кудри, расправлял усы. И все обхаживал приглянувшуюся девицу, дочку хозяина постоялого двора Галу. Взгляды огненные на нее бросал, душевных слов не жалел, на женитьбу намекал. А дело все не движется. Да и как ему двигаться, если соперники без конца порог обивают? Не какие-то там чепуховые, а солидные, с положением, при деньгах. Ростовщик Янкель и польский пан Ян. Один своими деньгами украинскую красавицу соблазняет, дру-

гой — знатной панной обещает сделать. Долго бы, наверное, это продолжалось, но лопнуло Кирьяново терпение. Собрались в хате Гала с родителями и ухажерами-соперниками и начали решать, за кого девице замуж идти. Каждый жених старался себя расхвалить. Кирьян то и дело медаль на груди поправлял, Янкель кошель бряцал, Ян про свой польский замок рассказывал. И все на Галу посматривали, кого она выберет. А девице все кавалеры нравятся, попробуй, реши... И в конце концов объявила, что пойдет за того, кто сумеет лучше всех ей угодить. Кто самое редкое и сладкое лакомство разыщет и ее угостит. Уж больно девица была охоча до разных конфет да пряников.

С тех пор ухажеры начали носить Гале разные сладкие кушанья. Мармелад, козинаки, коржики, сахаренные орехи, шоколад, варенье, пирожные... Лавочники аж не успевали товар на прилавках раскладывать, вмиг кавалеры все расхватывали. Не скупясь, не торгуясь, платили, да все золотыми монетами. Кирьян и не заметил, как жалование поистратилось, того гляди и домой везти нечего будет. Еле-еле дотянул до оговоренного срока, не оплошал, в грязь лицом не ударил. Не хуже остальных девицу попотчевал.

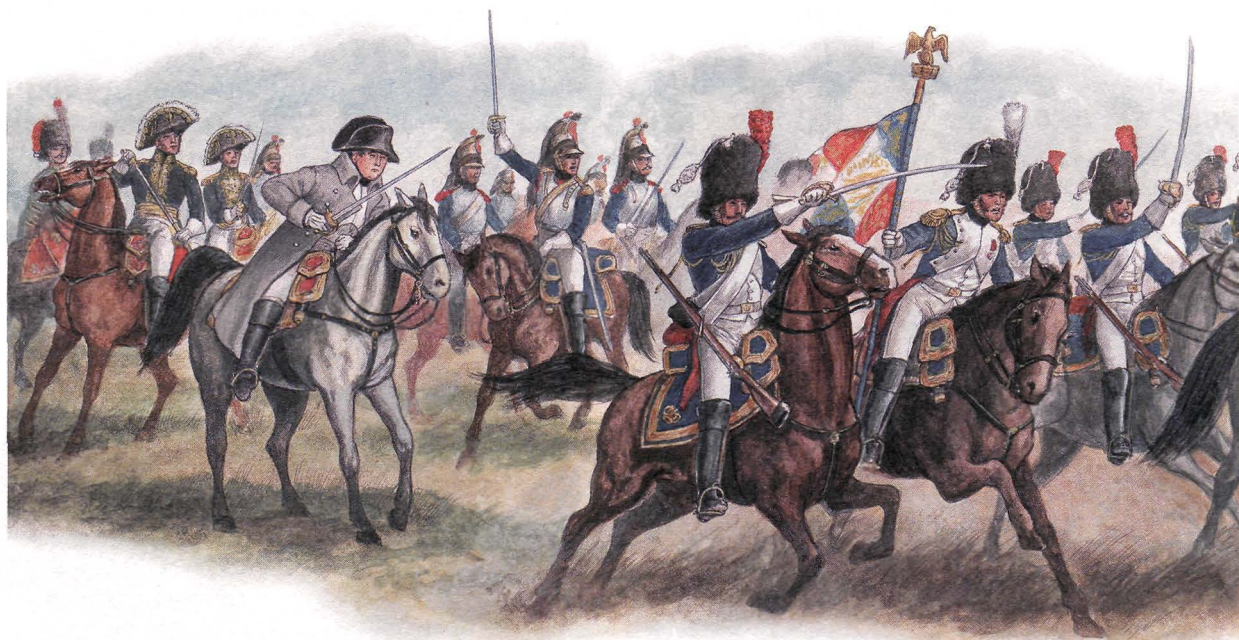
В конце концов все снова собрались на постоялом дворе. Ухажеры волновались, Галиного решения не дожидались. Вдруг половицы закрипели, застонали, и всплыла в горницу деви-

ца. Соперники глаза от удивления вытаращили, свою невесту не узнали. Вдвое шире стала Гала, так ее на коржиках да заморском шоколаде разнесло. Янкель с Яном восхищенно зацокали языками: еще красивее стала девица. А Кирьян от досады зубами скрипнул, да назад попятился. Разве получится казачка из этакой толстухи? Ведь с такой дородностью ни полы помыть, ни у печи посто-
ять, ни в станице покрасоваться. Поэтому-то Кирьян и не стал больше спорить с соперниками, пусть без него делят сладкую красавицу. А сам казачий скарб собрал да дальше со своим полком поспешил. Не близок путь до дома, мало ли какие замечательные красавицы еще встретятся. Тогда-то уж и не растеряется казак: клятвами, уговорами и подарками добьется невесты. А не получится, так темной ночью похитит, трофеем с войны привезет.

Как казаки чуть Наполеона не поймали

Не всякого русского генерала уважали и любили казаки. А лишь «своего», того, кто с молоком матери впитал казачью правду. Кто сызмальства гарцевал по степи на добром коне, кому донская водица была слаще заморских ликеров и шампанских. Поэтому казаки сразу признали войскового атамана Донского казачьего войска, генерала от кавалерии Матвея Ивановича Платова. Ведь всем было известно о том, что атаман родился в Черкасске в семье войскового старшины, о ратных подвигах в русско-турецкую войну, при взятии Измаила и Очакова. Да и не вдруг, не сразу выскочил в генералы атаман, а был сначала есаулом, потом командовал сотней, полком. Бойцы генерала Платова за отца родного почитали, в огонь и в воду по первому его слову готовы были идти. Хоть сразиться с самим супостатом Наполеоном Бонапартом и его «великой армией». Так что немудрено, что казаки пер-

выми приняли бой с французами. В июне 1812 года, когда неприятель только-только переходил российскую границу — реку Неман. Страшная туча с воплями, гиканьем набросилась на врага, немало французских голов скатилось в холодный прибрежный песок.

Но не по силам одному казачьему корпусу перебить целую армию. Не тягаться семи тысячам сабель против ста тысяч шпиг и винтовок. Неохотно отступили казаки, поклялись себя не жалеть, а всю нечисть из отечества изгнать. С тех пор и повелось, что Донское войско сражалось на самых тяжелых участках фронта. Добыло первые победы в боях при Мире и Романове, прикрыло отступление к Смоленску, билось при Бородине.

В самый трудный момент Матвей Платов призвал земляков пополнить поредевшую русскую армию. И нескончаемой вереницей потянулись

к Донскому войску толпы ополченцев: целых 22 тысячи казаков пришли сразиться с Наполеоном. Пусть даже не в войске самого атамана Платова... Но уж непременно в партизанском отряде бесстрашного Дениса Давыдова.

Никто, кроме отчаянно смелых казаков, не мог так неожиданно налететь на неприятеля, уничтожить французскую конницу и артиллерию. Ни от кого так панически не удирали враги, бросая на произвол судьбы обозы с ранеными и продовольствием. Никто так сильно не раздражал Наполеона, без конца повторявшего: «Дайте мне одних лишь казаков, и я покорю всю Европу!» А донцам все мало. То ли дело пленить самого главного французского командира! Ведь тогда одним махом и войне конец, и всему казачеству вечная слава. Поэтому каждый партизан отлично знал приметы Бонапарта, чтобы при случае не перепутать его с остальными французскими маршалами и генералами.

Но такой случай представился не скоро, лишь при отступлении «Ве-

ликой армии». Правда, никакой «Великой» она к тому времени уже не была. А просто толпой голодных, замерзших, оборванных солдат, отчаянно удирающих из разоренной морозной России. В такой толпе — каждый сам за себя. Удалось разжиться куском жесткой конины, значит, будет сегодня обед, стащил в крестьянской избе теплый бабий платок, значит, не замерзнут нос и щеки. Не до императора было побежденным солдатам. Ведь и тот не очень-то заботился о своей армии: чуть только пахло жареным, вскочил в карету и галопом поскакал обратно во Францию. Из сожженной Москвы — на запад, к спасительной пограничной реке Неман. Наполеон уже и не помышлял о тех победоносных баталиях, о которых мечтал со своими генералами в начале войны. Измученные французские солдаты лишь вынужденно давали бои преследовавшей их русской армии. Именно накануне сражения при Малоярославце казаки чуть было и не поймали

самого главного французского командира.

Многие партизаны назубок знали приметы Бонапарта, но только глазастый да шустрый казак Яшка Сомов высмотрел заморского императора на переправе через реку Лужа, близ села Городня. Высмотрел, и застыл от удивления. Не думал, не гадал, что так запросто повстречается с Наполеоном. Надеялся только захватить неприятельские обозы и артиллерийские фуры с боеприпасами. И вдруг увидел вдалеке маленького, тучного человечка в окружении важных разряженных генералов. В тот же миг забыл Яшка про богатые обо-

Атаман Донского казачьего войска,
генерал Матвей Иванович Платов

зы, кликнул с собой десяток-другой партизан и помчался прямо на императора. Да только позабыл, что Наполеона охраняет целая гвардия. Конные гренадеры, кирасиры. Такая битва началась! Засвистели сабли, залязгали шпаги, загрохотали выстрелы. Тут же императорская гвардия взяла Наполеона в плотное неприступное кольцо. А казаки все напирают и напирают, что им гренадеры! Одного за другим пиками из седла валят, головы острыми булатными* саблями секут.

Лишь когда кирасиры на помощь подтянулись, дрогнули партизаны. Не устоять против кирасир, ведь это самые рослые и могучие французские солдаты верхом на конях-тяжеловесах. Казаки пришпорили своих коней и помчались обратно к обозам, соединились с остальными партизанами и дали отпор императорской гвардии.

Долго потом горевал Яшка Сомов, вздыхая о неудачном пленении французского супостата. Да только сразу утешался, вспоминая бледное перепуганное лицо Наполеона, одобрительный взгляд атамана Платова, раскатистый хохот Дениса Давыдова. И много лет подряд рассказывал эту историю своим детям и внукам, всякий раз восхищаясь своими товарищами и командирами. Теми, кто с молоком матери впитал казачью правду. Кто сызмальства гарцевал по степи на добром коне, и кому донская водица была слаще заморских ликеров и шампанских.

Кузьма Крючков — ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

Не было на свете ничего тверже казачьей клятвы. Особенно присяги. Нерушимой клятвы до последнего вздоха защищать свое отечество от врага. Несколько веков подряд казаки торжественно произносили ее под старинными героическими знаменами и хоругвями. Произносили — и держали. Били шведов под Полтавой; гнали французов из Москвы; сражались с немцами в Первую мировую войну.

В 1914 году целых сто тысяч воинов, сто тысяч казачьих шашек и штыков были посланы с Дона на запад. Составленные в 60 конных полков, 6 пластунских батальонов, 33 действующие конные батареи, 3 за-

Кузьма Крючков

пасные батареи, 5 запасных полков, 80 отдельных особых сотен. А среди них — 3-й Донской казачий полк имени Ермака. В нем-то и состояли самые бывалые и бесстрашные воины. Да и мудрено праздновать труса, если принят в полк, названный именем самого Ермака Тимофеевича! Поэтому казаков 3-го Донского чаще всего и посылали на самое опасное задание — нести сторожевой дозор.

Однажды, 12 августа 1914 года в сторожевой дозор выехали Иван Щегольков, Василий Астахов, Михаил Иванков и приказной Кузьма Фирсович Крючков. Удалились от лагеря, начали подниматься на горку, чтобы сверху получше обозреть местность. И вдруг, откуда ни возьмись, — вра-

жеский отряд. Целых 27 германских драгун с унтер-офицером. На мощных сытых конях, до зубов вооруженные винтовками и саблями. Черной тучей немцы неслись на казаков, заранее радовались своей победе. Долгое ли дело такой маленький отряд в лапшу изрубить?! Всего в нем четыре человека! А русские почему-то и не подумали сдаваться. И даже бежать не стали. А сбились в кучу и начали из винтовок палить по противнику. Так и держались до тех пор, пока немцы не разъединили отряд и не навалились на каждого казака по отдельности.

Тяжелее всего пришлось Кузьме Крючкову. Попробуй один отбейся от одиннадцати противников! Да еще и патрон в винтовке заклинило, и бока со спиной германскими саблями иссечены, и кровь глаза заливает. Но не сдавался казак, не продавал по дешевке свою жизнь. Если уж суждено голову в битве сложить, так

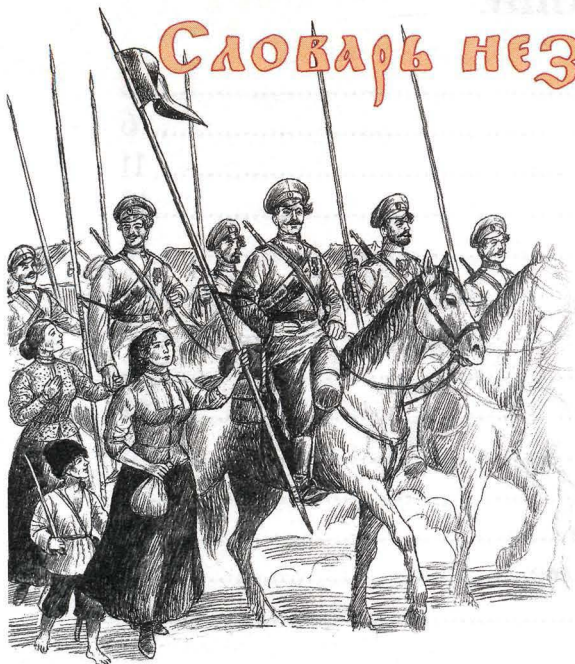
хоть и врагу нанести немалый урон! Из последних сил Кузьма Крючков махал саблей, колот пикой. Одного за другим укладывал на землю германских драгунов. А, глядя на приказного, и остальные казаки не робели. Так вскоре со всеми немцами и расправились. Перевели дух, перевязали раны, поймали германских лошадей — и обратно в лагерь.

Недолго лечились казаки, быстро на молодых заживают раны. Да и ни к чему в госпитале валяться, если за ранения обещан отпуск домой. И не с пустыми руками! С целыми ворохами газет, журналов, плакатов с описанием ратного подвига. С георгиевским крестом на груди, что собственноручно приколот командующий армией генерал Ренненкампф «за отменную храбрость в борьбе с неприятелем». Будет, что детишкам поведать, а в конце строго-настрого наказать также неотступно за Отчизну стоять, землю родную от врага оборонять.

После отпуска Кузьму Крючкова наградили еще тремя Георгиевскими крестами. Нешуточное же дело: одиннадцать драгун за раз истребить. А казак и не думал зазнаваться, терпеливо снимался для кинохроники, фотографировался для газет, выслушивал восторженные комплименты. По-прежнему Кузьма Фирсович Крючков служил в 3-ем Донском казачьем полку имени Ермака Тимофеевича. Воевал в Польше, Румынии. Командовал сотней, залечивал в Ростове боевые раны, с белым партизанским отрядом сражался против большевиков. И до самой смерти был верен присяге, давным-давно произнесенной под старинными героическими знаменами и хоругвями. Ведь нет на свете ничего тверже казачьей клятвы.

Словарь незнакомых слов

Басурма́н — в старину: иноземец, ино-
верец.

Була́т — старинная твердая и упругая
сталь для клинков с узорчатой поверх-
ностью.

Га́рда — дужка сабельной рукояти, пре-
дохраняющая руку от ударов оружия
противника.

Дамáсская сталь — высокий сорт узор-
чатой стали, применяемой для изготов-
ления оружия.

Ди́кое по́ле — историческое название
территорий между Доном, верхней Окой
и левыми притоками Десны и Днепра, от-
делявших Русское государство от Крым-
ского ханства. Стихийно осваивались
в XVI—XVII вв. беглыми крестьянами.

Домови́тый — хозяйственный, заботящий-
ся о благополучии своего дома, жилища.

Закабаля́ть — поставить в тяжелую за-
висимость, полностью подчинить себе.

Истукáн — языческий божок, статуя, идол.

Кори́ть — упрекать.

Куре́нь — на Дону и Кубани: изба, дом.

Понизо́вье — местность по нижнему те-
чению реки.

Самопа́л — в XVI в. ручное огнестрель-
ное оружие большого калибра; заряжа-
лось с дула.

Сафья́н — тонкая и мягкая козья или
овечья кожа, специально выделанная
и окрашенная в яркий цвет.

То́рба — мешок, сума.

Уря́дник — в царской армии: казачий
унтер-офицер.

Ша́шка — колющее и рубящее оружие
со слегка изогнутым клинком.

Яныча́р — в султанской Турции: пехо-
тинцы привилегированных войск, вхо-
дившие в состав регулярной армии.

СОДЕРЖАНИЕ

Золотой орел	2
Зорюшка.....	6
Казачьи поговорки.....	11
Ермак Тимофеевич.....	12
Перекасти-поле	16
Азовские герои	24
Степан Разин и персидская княжна	28
Казак на бочке	32
Булавинщина	34
Турецкие сабли	36
Сладкая красавица	38
Как казаки чуть Наполеона не поймали	42
Кузьма Крючков — георгиевский кавалер.....	45
Словарь незнакомых слов	47

Серия «История России»

Мария Альбертовна Мартиросова

Казачьи легенды и сказки

Художник Юрий Евгеньевич Каштанов

Для среднего школьного возраста

Героические страницы отечественной истории неразрывно связаны с историей казачества. Легендой о появлении первых казаков и открывается сборник. А еще в нем немало замечательных сказок, которые рассказывали казаки своим детям и внукам.

Составитель Н. Астахова
Редактор Л. Жукова
Корректор О. Ситникова
Компьютерная верстка: А. Карандашова

ISBN 978-5-7793-1904-1

ООО «Белый город»
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 305-26-50, 780-39-11
E-mail: belygorod@belygorod.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращайтесь
по адресам:

105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 49а, корп. 10, стр. 2
Тел.: (495) 780-39-11, 780-39-12
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 304-54-64

192019, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 14
Тел. (812) 643-02-09

400001, Волгоград, ул. Рабоче-Крестьянская, д. 13
Тел.: (8442) 97-58-89, 93-27-58

394018, Воронеж, ул. Станкевича, д. 1
Тел. (4732) 765-059

Полный ассортимент книг
издательства «Белый город»
представлен на сайтах:
www.belygorod.ru и www.bg-mir.ru

Вы можете заказать
бесплатный каталог издательства «Белый город»
по тел.: (495) 304-43-38, 780-39-11

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных издательством материалов в ОАО
«Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46. ☎

Дата подписания в печать: 15.12.2010
Гарнитура SchoolBook; печать офсет,
формат 84 x 108, 1/16
Тираж 3000 экз.
Заказ № 5686.

© Астахова Н.В., составление
© «Белый город»

Серия «История России» — единственная серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юными читателями уникальный мир русской истории.

Интересный текст и хорошие иллюстрации сделали эти книги популярными.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает более 150 книг.

Тираж серии 2 500 000 экземпляров!

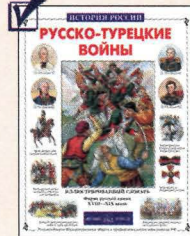
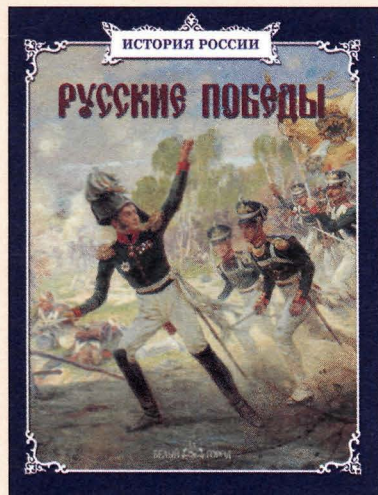
Для того чтобы легче было ориентироваться в книгах серии, мы условно разбили их на темы. Для читателя не составит труда собрать свою коллекцию по интересующей его теме.

Некоторые книги могут быть представлены в двух темах.

Вышли в свет тематические сборники «Герои русской истории», «Русские победы», «Древняя Русь», «Русские цари», «Российские императоры», «Москва. Иллюстрированная энциклопедия», «Русский быт». Мы благодарим всех наших читателей за поддержку и желаем вам приятного чтения.

Знаком ☒ отмечены книги, которые вошли в сборник.

Русские победы

Немало испытаний вынесли русские люди от чужеземных завоевателей. Летопись русской истории наполнена многими славными победами. Военная история России, ее героическое прошлое — тема сборника «Русские победы».

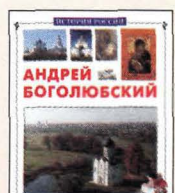
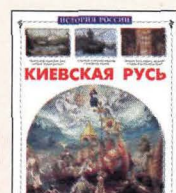
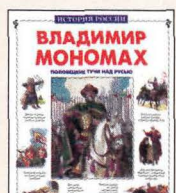
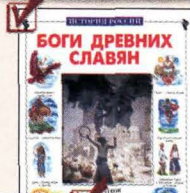
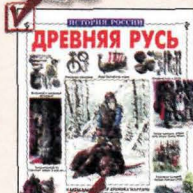
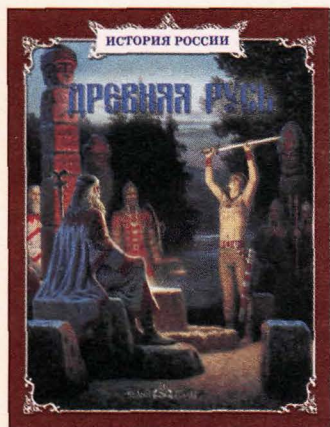

История XX века

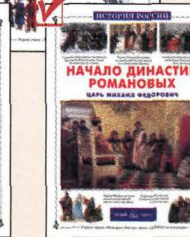
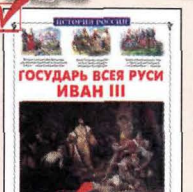
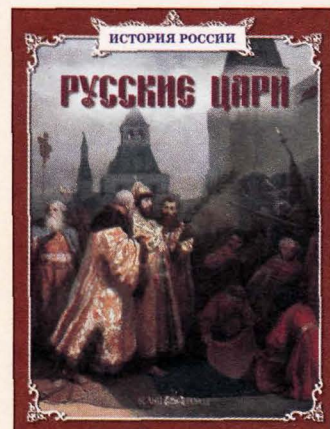

Двадцатый век стал самым сложным в истории нашей страны. В чем смысл уроков, которые преподнес непредсказуемый век жителям России? Об этом размышляют все, кому небезразлично будущее великого государства.

Древняя Русь

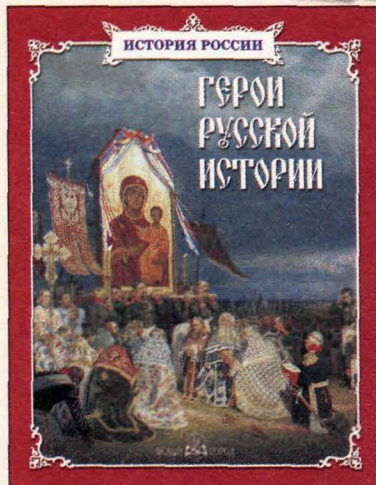
Цари и императоры

Может ли один человек изменить ход истории? Какова роль личности в развитии государства? Победы и поражения, взлеты и падения, случавшиеся в истории России, авторы пытались проанализировать на примере судеб русских царей, стоявших во главе великой страны. Именно они принимали решения, влиявшие на судьбы многомиллионного народа.

Герои русской истории

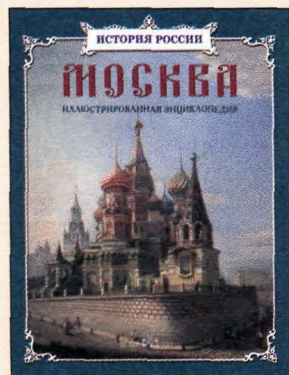

Записки путешественника

Эта серия позволит читателям совершить увлекательное путешествие по нашей необъятной стране.

Москвоведение

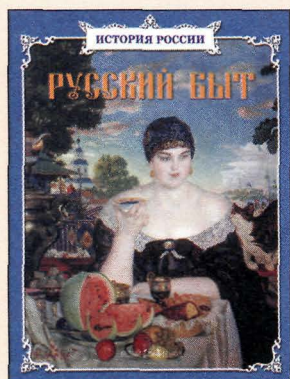

Москва — особенный город. Сама История прошла по улицам древней столицы, оставив на них свои следы.

Православная культура

Русский быт

Русская словесность

Изобразительное искусство

Талант великих русских художников вырос из народной культуры, которая вобрала в себя события истории и чаяния народа. Эта серия еще ждет своего продолжения.

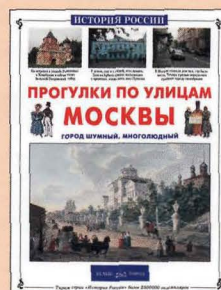
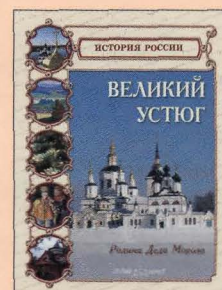
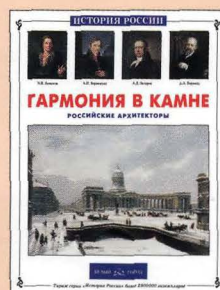
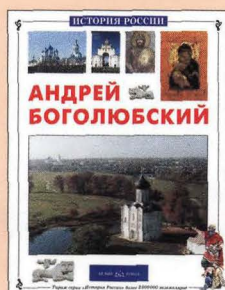
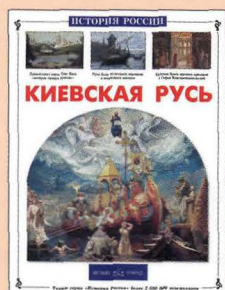
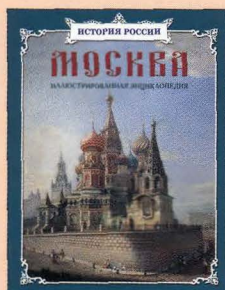
ИСТОРИЯ РОССИИ

Серия «История России» — единственная серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юным читателем уникальный мир русской истории. Интересный текст и хорошие иллюстрации сделали ее популярной.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает более 150 книг.

Тираж серии 2 500 000 экземпляров!

Книги, вышедшие в 2009—2010 годах

Готовятся
к выпуску:

Русское оружие

Меценаты

Русские кремли

ISBN 978-5-7793-1904-1

9 785779 319041

ИСТОРИЯ РОССИИ

В ЛЕТОПИСЯХ, СКАЗАНИЯХ И БЫЛИНАХ

КАЗАЧЬИ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

Донской казак

Гладкая красавица

Золотой орел

Казак-разбойник

Перекаати-поле

Зорюшка

БЕЛЫЙ ГОРОД

Тираж серии «История России» более 2500000 экземпляров